

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.3

А. А. Акинин, А. А. Шевелев

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Глобальный кризис и современное экономическое знание

Глобальный финансовый кризис, сделав явным ограниченность объяснительных и прогностических возможностей современного теоретического мейнстрима, по-новому поставил вопрос: насколько обоснованными являются претензии «главного течения» экономической мысли на фундаментальность? Этот вопрос связан не только с господствующим на протяжении длительного времени методом получения теоретического знания. Нереалистичность исходных (искусственно заданных) предпосылок, вначале поверхностная, а затем и все более изощренная математизация как способ аргументации, — характерные черты доминирующего метода исследования. Куда более серьезное значение имеют сомнения в адекватности манифестируемого знания закономерностей экономической динамики, а следовательно, практической применимости используемых моделей для предсказания и интерпретации экономических катастроф. Экономист чикагской школы Джон Кокрейн, не соглашаясь с радикальной критикой в адрес творцов «чикагской картины мира» (или «либертарианского рая»), вынужден признать: «Отклонения чрезмерно велики при использовании того математического инструментария, который у нас есть» [1].

В то же самое время развитие информационных технологий и имитационного моделирования повышают статус более прагматичных эмпирических исследований, находящихся в русле экспериментальной (поведенческой) экономики. Отмеченные исследования с использованием компьютерного моделирования позволяют выявлять относительно устойчивые взаимосвязи, своего рода поведенческие паттерны. Наука все

Андрей Александрович АКИНИН — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ. В 1982 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — история российской и советской экономической мысли, теория институциональных изменений, теневая экономика. Автор 30 научных публикаций.

Александр Алексеевич ШЕВЕЛЕВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ. В 1980 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — методологические проблемы экономической теории, новая институциональная экономическая теория, теория и практика институциональных трансформаций в постсоветской России. Автор более 40 научных работ.

© А. А. Акинин, А. А. Шевелев, 2010

более ориентируется на прагматику эмпирических и экспериментальных исследований, альтернативных все менее удовлетворительным, хотя и вполне респектабельным, «рационализациям непознаваемого».

Глобальный кризис, подвергнув серьезному испытанию «джентльменский набор» неоклассических постулатов (эффективных рынков, рациональных ожиданий, рыночного равновесия), обусловил поворот в направлении масштабного использования кейнсианской рецептуры макроэкономического регулирования [2]. По мнению ряда авторитетных экспертов, на очереди пересмотр основ теоретической макроэкономики и, в частности, отказ от постулата эффективных финансовых рынков (Дж. Сорос, Пол Кругман, Роберт Шиллер и другие «реалисты»). Но ни одна из существующих концепций не в состоянии дать гарантию от будущих катастроф (обвалов рынков), равно как предложить достаточно убедительную модель для оценки рисков и премий за риск, а главное, интегрировать финансы в макроэкономическую теорию. Это дело будущего.

В контексте концептуальных сдвигов, происходящих в экономико-теоретическом знании, важно отметить неправомерность отнесения фундаментальной экономической теории только лишь к абстрактному знанию, а прикладную экономику — к конкретному (диагностирующему, прогнозирующему, проектирующему). Фундаментальное (мировоззренческое) знание не может не быть конкретным (ибо «истина всегда конкретна»). И оно столь же важно для политического целеполагания и государственного регулирования, как и искусство прикладной экономики. Без адекватных мировоззренческих оснований, позволяющих понятийно определить конкретно-всеобщие, а не абстрактно-общие, взаимосвязи, искусство прикладной экономики имеет тенденцию превращаться в манипулятивную комбинаторику, производство интеллектуальных продуктов в соответствии с конъюнктурой политического рынка, текущим спросом правящих политических сил [3].

Научным сообществом недостаточно хорошо осознается, что жизнеспособная теория, способная оплодотворить и направить по верному пути искусство прикладной экономики, — это понятая система противоречий реального предмета, всегда сохраняемых и разрешаемых в системе конкретного знания, а не набор абстрактно-общих посылок и правил, характерных для неоклассической экономической теории. Методология последней не восприняла ни непреходящее учение античных мыслителей об истине и сущности как «едином во многом», ни системно-диалектический метод исследования, ни глубокие философские идеи синергетики и «сложносистемного мышления» [4; 5]. На наш взгляд, рецепция и более полное отражение в экономическом анализе непрерывно эволюционирующего и качественно обновляемого системно-диалектического знания (многомерного и мультипарадигмального), исторически восходящего к гераклитовскому мировидению, как никогда актуальны.

Известный российский методолог и историк науки О. Ананьин справедливо отмечает фундаментальную гносеологическую асимметрию современного экономико-теоретического знания: темпы его фрагментации заметно обгоняют темпы его интеграции. Не получила научного отражения интегральная картина экономической реальности, объединяющая частные картины (производственно-продуктовую, поведенческую, институциональную). Экономико-теоретическое знание фрагментировано не только по «горизонтали» (предметно-дисциплинарному признаку), но и по «вертикали» (теоретическое, эмпирическое и прикладное знание). Структурность, т. е. взаимосвязанность элементов экономического знания, еще недостаточно исследована. Знание о самих связях остается фрагментированным [6]. Однако в наступившем столетии вновь актуализируется потребность в новой «большой теории», так как очевидна необходимость выработки целостной картины экономической

реальности и базирующихся на ней жизнеспособных стратегий социально-экономического развития. На повестке дня возрождение на новом уровне развития науки во многом утраченного единства теории и практики, науки и политики, переход от фрагментарного взаимодействия к системному единству фундаментального и прикладного знания. Решение отмеченных задач силами российских ученых невозможно на пути «клонирования» англосаксонского мейнстрима, без учета богатых традиций мировой и отечественной науки, парадигм и концептов альтернативных неоклассической экономической теории. Переломная ситуация в России и мире явным образом провоцирует научное сообщество на overcoming концептуальных прорывов, способных преодолеть кризис в современной экономической теории и обеспечить ее фундаментальную трансформацию.

Модель устойчивого развития как альтернатива догоняющей модернизации

Экономическая теория призвана дать адекватный ответ в связи с модернизационной повесткой дня, политически заявленной целью модернизации российской экономики [7; 8]. По сути дела, необходимо формулирование стратегической модели развития, базирующейся на четком понимании пределов, к которым приблизилась современная мирохозяйственная система, равно как специфики нового социума, с немалыми трудностями и противоречиями возникающего в группе лидирующих стран (в его формат в отдаленной перспективе предстоит включиться и России).

Переход к новой модели развития (которую уже неспособен выразить концепт «модернизации», отражающий пути перехода от традиционного к современному обществу) [9, с. 255–256] связан с ограничениями развития капитализма как мирохозяйственной системы. В их числе: исчерпание экстенсивных источников экономического роста, экологические вызовы; невозможность экспансии в прежних формах; все меньшие возможности сверхэксплуатации посредством занижения оплаты труда и социальной дискриминации; растущее значение качественных изменений, связанных с неэкономическими формами капитала (человеческим, культурным, социальным), а следовательно, ущербность и неэффективность чисто рыночных форм институционализации общественной жизни, хозяйствования и природопользования.

В основу теоретико-экономических разработок представляется перспективным положить концепцию *postmodern society*, представляющую модернизацию как процесс преобразований на основе учета собственной национальной идентичности, предлагающей модель постмодернизации, т. е. развития для сохранения и преумножения национальных культур. Модель постсовременного общества включает в себя: инновации с учетом традиции; плюрализм и альтернативность путей развития; ценностно-целевую рациональность (сочетание инструментальных и метафизических ценностей); демократические институты при уважении к авторитетам; отказ от недопотребления и чрезмерного потребления; взаимодополняемость разных типов личностей — деятельных и недейтельных [10; 11].

Экономическая теория призвана способствовать осознанию того, что России необходима не догоняющая модернизация, или «гонка за лидером», при посредстве комплекса заимствованных инноваций, т. е. копирования и имитации технологических образцов, а реализация модели устойчивого (а по ряду направлений ускоренного и даже опережающего) развития, опирающегося на внутренние источники и ресурсы. Фактически же необходимо преодоление демодернизации России или «возвратного движения вспять от современности» [12, с. 28]. К сожалению, существует реальная опасность симуляции даже ограниченной по задачам имитаторской модернизации, перерождения искусства

копирования (успешно освоенного и превзойденного Китаем) в своеобразную карикатуру на достижения Запада и, как результат, возникновения гибридного варианта худших свойств капитализма и патерналистского государства с заниженным уровнем социальных гарантий и рентоориентированным поведением правящего класса. В погоне за внешними изменениями можно окончательно потерять свою национально-культурную идентичность. Важно учитывать эти обстоятельства, используя весьма условное и во многом уцененное временем понятие «модернизация» при анализе текущих реформ российской власти.

Экономическая теория развития не может игнорировать объективные и ситуативно сложившиеся, хотя и закрепившиеся в виде устойчивых институциональных «ловушек» ограничения трансформационных процессов применительно к специфическим российским условиям. Обозначим лишь некоторые из них:

1. Чрезмерная урбанизация: 70% населения проживает на 15% территории, 2/3 которой — дикая природа.

2. Наличие деградировавшего модерна (моногорода, деиндустриализированные и обезлюдившие территории). «Все это означает, что наша экономика превратилась в пустую скорлупу, внутри которой происходят лишь финансовая спекуляция, “распил” поступающих нефтедолларов и обмен некоторой их части на импортируемые машины, потребительские товары, продовольствие и услуги» [13, с. 14].

3. Недостаточность социальных гарантий, искусственно ограниченный госбюджет, недопотребление значительной части населения, в основе которых неоптимальное и социально несправедливое распределение национального дохода и богатства.

4. Низкая результативность усилий экономического блока правительства в направлении создания инвестиционно-ориентированной финансовой системы.

5. Планируемое секвестирование социальных расходов в рамках политики бездефицитного бюджета и борьбы с инфляцией, последовательно асоциальный характер проектировок федерального бюджета [14, с. 37].

6. Феномен имитационной или декоративной демократии, гибридный политический режим, сочетающий умеренный авторитаризм с элементами избирательной демократии (сильно деформированной административным ресурсом), низкое качество законотворческого процесса и правоприменительной практики, высокая коррупционная составляющая принимаемых и постоянно корректируемых законов.

7. Низкий уровень защиты прав собственности, неснижающийся риск ее экспроприации группами особых интересов, отсутствие ясных перспектив с формированием более благоприятного налогового климата, блокирующие масштабную инвестиционную активность, нарастающая криминализация общества и государства.

8. Перерождение акционерной формы собственности из способа привлечения инвестиций и концентрации капитала в инструмент паразитирования на финансовых потоках и их перевода в оффшорные юрисдикции (повсеместно задействованный инсайдерами при посредничестве высокопоставленных чиновников). Выраженная тенденция к «проеданию» прибылей собственниками и топ-менеджерами фирм, вместо инвестирования в основной капитал, и как результат — усугубление технологической отсталости.

9. Несформированность конкурентной среды и высокий уровень монополизма в сферах экономики и политики, отсутствие эффективных политических драйверов развития, способных осуществить своего рода апгрейд (качественное обновление) общественно-политической системы, придать мощный импульс национальной консолидации широких слоев общества вокруг созидательных целей и задач.

Сложность практической реализации модели устойчивого развития заключается в том, что необходимо одновременно сочетать реиндустриализацию, постиндустриальную модернизацию и «выращивать» элементы постэкономического общества [15]. Разумеется, при решении этого комплекса задач никакой технологический детерминизм не сработает, ибо «политика не может не иметь первенства перед экономикой». В этой связи экономистам-теоретикам не обойти вниманием комплекс проблем, связанных с политической модернизацией. Необходимо проведение соответствующих исследований, задействующих понятийный аппарат теории общественного выбора, экономических теорий государства и прав собственности. Для реализации сценария ускоренного и опережающего развития нужна не только качественная трансформация российской власти, но и полноценный концептуальный прорыв, способствующий переформатированию политической системы.

Реализация модели устойчивого развития должна в решающей степени опираться на внутренние источники и ресурсы. Редкими представителями экспертного сообщества осознается, что это модель самодостаточного воспроизводства, концептуально, идеологически и политически противостоящая концепции догоняющей модернизации. «Даже в пределах современных границ Россия достаточно обеспечена собственными ресурсами, чтобы создавать и развивать модель самовоспроизводящегося экономического роста. Дальнейшая ориентация на экономическую систему с внешними источниками роста и управления не приведет к положительным качественным сдвигам в жизни страны. Проблема современной России в нерешительности, постоянной оглядке на Запад, неверии в собственные силы и в возможность экономической самодостаточности» [16]. Модель самодостаточного устойчивого развития отрицает самодовлеющую установку на имитацию зарубежных образцов в рамках догоняющего развития и стремится задействовать внутренние источники опережающих прорывов.

Идея самодостаточности экономического развития требует корректной научной разработки, избегающей соблазна двух крайностей: идеологии экономического изоляционизма и утопии «открытого общества» (одинаково неосуществимых) [17].

По мысли К. Поппера, «закрытое общество» — это конкретная группа конкретных индивидуумов, объединенная родством, общей жизнью, участием в общих делах. Ученый механистически противопоставлял это общество-организм «открытому обществу», трактуемому (при всех сделанных им оговорках) как абстрактное общество атомизированных индивидуалистов. Он был вынужден признать, что «большинство социальных групп современного открытого общества... являются не более, чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни» [18, с. 220]. Такова характерная констатация автора рассматриваемого концепта, тем не менее, пропагандируемого отечественными либералами-западниками в качестве идеала для России.

Не претендуя на всеобъемлющее определение, отметим, что самодостаточность экономического развития — это фактически реализуемая способность страны обеспечивать себя факторами и результатами производства, необходимыми для стабильного роста валового национального продукта (и благосостояния всех слоев общества) и, как результат, устойчивого развития. Обеспечение самодостаточности экономического развития, казалось бы, парадоксальным образом способствует нахождению оптимального уровня интегрированности национальной экономики в мировую, так как создает институциональную и ресурсную базу для успешной конкуренции национальных субъектов на мировых рынках. Поэтому самодостаточность не имеет ничего общего с изолированностью, означая поддержку государством национальных рынков и производителей, формирование условий долгосрочного и стабильного экономического роста. Самодостаточность развития

означает, в первую очередь, опору на отечественные высокие технологии и человеческий капитал, а не одностороннюю сырьевую специализацию страны. Иначе говоря, ставка делается на интеллектуальный потенциал, создание комплекса институциональных условий для формирования полноценного среднего класса, отвечающего потребностям высокоразвитого индустриального производства, информационной экономики, а в перспективе постэкономического общества.

Драма переходного общества и проблема авторитарной модернизации

Современное состояние России во многом определяется драматическим несоответствием остаточного потенциала (культурного, научного, индустриального) и несформированной социальной структурой переходного общества. Быстро расходуемый «советский задел», пока еще высокий уровень образованности русского народа, не исчезнувшая память о великих исторических свершениях плохо сочетаются со стихийно сложившейся классовой структурой, характерной, скорее, для незрелого капитализма, а не современного постиндустриального общества. Сохраняющееся преобладание бедных и малообеспеченных (слабо камуфлируемое официальной статистикой), «эмбриональное» состояние среднего класса, резко обозначившиеся социально-классовые различия и противоречия при относительной неразвитости гражданского общества, общественной апатии, а также политическом конформизме новорусской буржуазии обуславливают доминирование бюрократии как управленческого и одновременно правящего класса. Данное положение своеобразно отразилось в карьерных предпочтениях молодежи — 42% выпускников российских школ в 2010 г. желают занять места на государственной службе (по данным опроса фонда «Общественное мнение»).

Однако исключительное положение бюрократии в России не приводит к институциональному оформлению общественно-государственной системы, пусть и недостаточно развитой с точки зрения социальной структуры и форм политического представительства, но все же функционирующей в интересах широких общественных слоев (большинства). Имеет место сращенность собственности и власти, избыточное социально-экономическое неравенство, доминирование неэффективного административного ресурса и рентоориентированного поведения бюрократии. Высшие руководители государства вынуждены регулярно признавать малоуспешность борьбы с коррупцией — как видно, бюрократия не в состоянии бороться со своими собственными злоупотреблениями. Однако суть проблемы в том, что коррупционные механизмы с недавних пор стали системообразующими в государстве, обслуживая неуклонно возрастающий объем взяток. По данным члена-корреспондента РАН И. Елисевой, совокупный объем теневой и коррупционной составляющей в российской экономике — 25,5 трлн рублей (64% ВВП), в том числе чистые теневые доходы федеральных и местных чиновников, налоговиков и судей — 4,6–5,6 трлн рублей (15–19% активов российских банков). Сектор отличается высокой концентрацией: половина из этой суммы приходится на взятополучателей федерального уровня [19]. При столь впечатляющем масштабе и высоком статусном представительстве агентов коррупционных сделок их блокировка с помощью локальных карательных мер — сколь угодно жестких — проблематична. По-видимому, необходимо эволюционное изменение системы в целом, что по своим последствиям было бы равносильно ненасильственной организационной (да и социальной) революции.

Так называемая «кормленческая функция» правящего класса [20], явным образом представленная практикой «откатов», «распилов» и прочих форм внезаконного перераспределения доходов и богатства, но в основе имеющая в целом неоптимальное распреде-

ление национального дохода, подавляет функцию развития системы, затрудняет переход к современному состоянию общества и государства.

Важно констатировать, что политико-экономическая модель, основанная на явном и скрытом паразитировании на остатках советского потенциала и доходах от экспорта природных ресурсов (равно как локальных анклавов вновь созданных и зачастую хронически недоинвестируемых производств), не может существовать длительное время. Порою представителями российского экспертного сообщества высказывается точка зрения (достаточно обоснованная) о неизбежности победы в будущем одной из тенденций: либо системной деградации, которая несет угрозу неконтролируемого распада государства, либо переструктурирования системы на новых основаниях, позволяющих ей динамично развиваться. Сохранение статус-кво власти при попытках косметического изменения институционального дизайна и ее имитаторской мимикрии в политической сфере не в состоянии законсервировать недоброкачественный «продукт» постсоветской трансформации, созданный сочетанием процессов разрушения, инволюции и, одновременно, локального развития, не способного изменить базовые основания коррупционного хозяйствования и антимодернизационной системы власти. Природа последней явным образом проявляет себя, в частности, в оппортунистическом законодательстве, фактически закрепляющем права групп особых интересов на нетрудовые доходы, вводящем для них все новые преференции, позволяющие легально получать ренту (в дополнение к внелегальному перераспределению доходов). Такая политика по сути является анти-модернизационной и антиинновационной.

Несистемные и зачастую социально деструктивные (учитывая низкое качество законодательства и неэффективность правоприменительной практики, высокую коррупционную составляющую законодательных актов и недооценку их негативных последствий для бизнеса и домохозяйств) попытки реформ «сверху» в сочетании с явным страхом перед происходящим брожением «снизу» и рефлекторным желанием «затянуть гайки», обеспечив преемственность власти, — наиболее вероятные черты «политического пейзажа» на ближайшие годы. Возможен и другой, более благоприятный, сценарий развития событий, однако он требует не просто целенаправленных усилий, а сверхусилий власти и общества, возникновения новых политических драйверов развития, способных произвести апгрейд системы. Социальное устройство России, понятое как системное взаимодействие основных социальных групп и доминирующих типов общественного сознания, — вот камень преткновения большей части «благих» начинаний российской власти: когда на одной стороне — социальные группы, которые реально могут, но не желают что-либо делать в позитивном направлении (ограничиваясь пиаровской имитацией и симуляцией изменений), а на другой — жаждущие перемен, но лишённые возможности их совершить. Иными словами, у одних отсутствует мотивация к переменам (несущим риск утраты привилегий и источников получения ренты узкому социальному слою), а у других — необходимые ресурсы (финансовые и организационные) для этого.

Конечная причина патовой ситуации — неоптимальное, социально несправедливое распределение национального дохода и богатства, которое происходит в пользу непродуцируемых социальных групп, но дестимулирует наиболее талантливых и продуктивных, в результате обеспечивая дополнительным интеллектуальным ресурсом стратегических конкурентов России. Ирония исторического момента в том, что именно им (международным ТНК) создаются эксклюзивные условия в попытке привлечь к участию в инновационных проектах. Вместо формирования благоприятной среды для воспроизводства национального человеческого капитала, прекращения «оттока мозгов», наращивания

социального капитала и стабильности ожиданий отечественного бизнес-сообщества, в который раз предпочтение отдается чуждому опыту и внешним ресурсам. Игнорируются реалии геополитики и жесткой международной конкуренции, все более реальной становится угроза невозполнимой утраты потенциала создания добавленной стоимости, ее интеллектуальных составляющих адекватных пятому и шестому технологическим укладам. При этом ставится утопическая задача сразу «перескочить» к последнему, минуя предшествующую и в полной мере не освоенную ступень.

Подчеркнем роковую особенность синкретичной системы «власти-собственности», в которой произошло переплетение и сращивание экономического, административного и политического ресурсов — ее нацеленность на «поиск ренты», хитроумное изобретение механизмов перераспределения, а не создания добавленной стоимости. Общий объем последней не позволяет государству полноценно выполнять современные функции (связанные с воспроизводством человеческого капитала — здравоохранением, образованием, наукой) при не только не снижающихся, а, скорее, растущих аппетитах рентополучателей (бенефициаров коррупционной системы). Отсюда и проистекает на первый взгляд парадоксальное удвоение числа российских «долларовых» миллиардеров в период кризиса.

При обсуждении перспектив модернизации в России закономерно возникает тема «социальных лифтов», так как без эффективного механизма отбора и продвижения по престижным карьерным лестницам наиболее талантливых и социально активных личностей процесс устойчивого развития национальной экономики проблематичен. Однако характер развития существенно определяется социальной структурой и тенденциями ее эволюции. В псевдосоциальном обществе с избыточным социально-экономическим неравенством, каким фактически стала современная Россия, неизбежно возникает «расслоенное образование», не только не гарантирующее равенство шансов на приобретение престижных и «рентоёмких» профессий, статусов и должностей, но и заметным образом приводящее к усреднению и снижению его качества. В сравнении с советской образовательной системой этот процесс означает отказ от достаточно высокого среднего уровня массового образования, а в сочетании с фактической платностью дополнительного качества, дающего шанс на обучение в престижном вузе, означает ощутимую деградацию системы (относительно не исключая наличие сегмента элитного образования для избранных). Таким образом и решается проблема «социальных лифтов»: их становится мало, а их емкость все более ограничена. По сути дела, это новый механизм социального расслоения и стагнации общества. Модернизационная риторика политических пиарщиков, сопровождаемая призывами к «импорту мозгов», выдает курьезное намерение вступить в конкуренцию с самими США в научной и образовательной сферах, не обладая ни сопоставимыми с инновационной империей объемами их финансирования, ни даже достаточно осмысленной научно-образовательной политикой, учитывающей российские традиции и современные реалии.

В открытом письме Президенту и Председателю Правительства РФ от группы российских ученых, постоянно работающих за границей (от 09.09.2009), отмечалось: «В течение десятилетий в СССР была создана мощная научно-техническая база и устойчивые механизмы ее воспроизводства, включая воспроизводство кадров. Именно эта база, своеобразная научная «ткань» нашего общества, гарантировала научно-технический прогресс, обороноспособность страны и, в конечном счете, независимость России. Продолжающийся распад этой ткани приведет в ближайшее время к полному разрыву связи между поколениями научных работников, исчезновению науки мирового уровня в РФ и утрате знаний в катастрофических масштабах» [21]. Однако за последний год произошло

урезание ассигнований на академическую науку, а также двух государственных фондов — РФФИ и РГНФ, выделяющих гранты на прорывные исследования (при одновременном увеличении финансирования вузовской науки, как правило, плохо адаптированной для проведения пионерных исследований). Относительная доля финансирования НИОКР по-прежнему в 2–3 раза меньше, чем в других промышленно развитых странах, составляя не более 1% ВВП (что в 5 раз уступает советскому уровню ассигнований). Важно отметить, что в рассматриваемый период государственная научно-технологическая политика в США и Китае имела прямо противоположную направленность, характеризуясь постановкой амбициозных целей на высшем политическом уровне и масштабным увеличением государственного финансирования. Таковы контекст и подлинная цена модернизационной риторики представителей российской власти.

В особом анализе нуждается проблема взаимосвязи либерализма и авторитаризма в аспекте перспектив модернизации в России. Эта проблема включает, по меньшей мере, следующие вопросы: каким образом соотносятся политический и экономический либерализм, возможно ли сочетание авторитарного режима правления с политическим и экономическим либерализмом?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, важно констатировать, что политический и экономический либерализм взаимосвязаны друг с другом сложным и неоднозначным образом. Так, правовое государство, в котором принципы политического либерализма получают институциональное воплощение, не обусловлено непосредственно экономическим либерализмом. Решая сверхзадачу защиты базовых прав личности, политический либерализм и правовое государство могут существенно ограничивать свободную игру рыночных сил и действия частных собственников, если они вступают в противоречие с общественными интересами. С другой стороны, горизонтом или предельным допущением экономического либерализма является утопия рыночного, саморегулируемого и «прозрачного» общества, в котором всеобщей формой связи мыслится взаимовыгодный обмен. Не исключена ситуация, когда, пытаясь реализовать эту утопию на практике, жертвуют политической демократией в пользу общества тотального надзора (как бы информационно прозрачного) [22, с. 172]. Либеральная доктрина внутренне противоречива как в своем теоретическом измерении, так и в практическом воплощении, не исключая антирыночные и даже неправовые формы государственного управления. Данное обстоятельство в утрированном виде выразилось в российских «рыночных реформах» 1990-х годов, которые пожертвовали идеей правового государства в обмен на «либеральную экономику» (так и не воплощенную на практике).

Еще более дискуссионным вопросом является возможность сочетания авторитарного режима правления с политическим и экономическим либерализмом. Нельзя не отметить, что абстрактное противопоставление разных общественных и государственных форм по принципу «или-или, а третьего не дано» вряд ли уместно при анализе сложных переходных систем, в которых могут причудливо переплетаться казалось бы взаимоисключающие явления.

Для публичной дискуссии последнего времени характерно педалирование темы авторитарной и даже «неосталинской» модернизации, обсуждаемой не только как возможная, но и настоятельно необходимая перспектива для России [23]. Поборников этой идеи из экспертного сообщества несколько не смущает тот факт, что сталинская модель соответствует давно пройденному этапу развития, качественно отличным от современных историческим задачам. Достаточно упорно игнорируется то обстоятельство, что кумулятивный эффект ускоренной модернизации способен породить лишь встречное движение бизнеса и государства, когда последнее создает благоприятные условия для производственного

инвестирования и добросовестной конкуренции рыночных субъектов, а продуктивное предпринимательство реализует четко сформулированные долгосрочные цели развития. Такой порядок взаимодействия невозможен без стабильной и «дружественной» институциональной среды, поощряющей рост конкурентоспособности отечественных компаний.

Преувеличенное внимание сторонников простых решений к теме «принуждения к развитию» и даже использования неправовых и мобилизационных практик государственного управления основывается на ложном и идеалистическом представлении о возможности существования некоего всемогущего субъекта или демиурга развития, призванного взять на себя всю полноту ответственности за будущее страны. Однако такой субъект никогда не возникнет из пелены иллюзий ретивых аналитиков. Реальный же субъект, который действительно нуждается в национальной консолидации и осмысленной программе действий (в настоящее время отсутствующей), может быть только многосоставной и внутренне сложной силой, неизбежно объединяющей достаточно широкие слои общества. Что касается авангарда развития, то его оружие — «мягкая сила» (soft power), основанная на идейном и концептуальном превосходстве, способности привносить в инерцию хаоса новые смыслы и убеждать тех, кто еще в состоянии эту инерцию преодолеть.

Вместо стремления культивировать новые и зачастую непривычные механизмы социального взаимодействия, апологеты неосталинского «ренессанса» предлагают задействовать комплекс насильственных практик, апеллируя к символам и неоднозначному опыту прошлой эпохи, которые никогда не заменят твердой политической воли и ясного стратегического плана применительно к новым историческим условиям. Важно подчеркнуть, что задача государства — не принуждать бизнес к развитию, а дисциплинировать и направлять его в рамках четко установленных правил и на основе долгосрочного индустриального планирования. Наконец, азбучной истиной является положение о том, что продуктивный бизнес принуждает к развитию не власть, а силы ценовой и неценовой конкуренции (подорванные монополизмом на российских рынках). С другой стороны, по-настоящему актуальной задачей является эффективное административное принуждение к исполнению законов (enforcement) как в отношении недобросовестных субъектов рынка, так и бюрократии, повсеместно нарушающей легальные нормы и правила.

Однако конструктивное решение вопроса заключается в выдвижении в качестве первоочередной политической задачи модернизации государства в России, понимаемой как развитие его современной структуры и функций, т. е. построении системы власти с рациональной бюрократией, разделением бизнеса и власти, конкурентным политическим процессом (механизмом общественного выбора), последовательным проведением в жизнь принципа разделения властей и их взаимного контроля, наличием обратной связи с обществом, приоритетным финансированием социальной сферы. Отметим, что в благоприятные для структурных реформ (так и не осуществленных) предкризисные годы соотношение затрат в российском федеральном бюджете на традиционные и современные, связанные с воспроизводством человеческого капитала, функции государства составляли 3:1 (при общемировой норме 1:3) [24]. Как никогда важна последовательная политика национальных интересов, персонифицированная легитимными политическими лидерами (при исключительной роли главы государства) и реализующая принципы правового государства, создающая условия для добросовестной конкуренции в политической и экономической сферах, одновременно твердо и решительно пресекающая рецидивы олигархических, бюрократических и прочих анти-социальных практик.

Время выбора российской элиты

Важно осознать, что при сложившейся в России системе власти и собственности крайне сложно в условиях исторического цейтнота обеспечить решение ключевых проблем развития: комплексную индустриальную модернизацию, «выращивание» полноценного инновационного сектора, создание адекватной задачам развития финансовой системы (включая пенсионную), осмысленные реформы в сфере образования. В то же самое время не существует непреодолимых — при соответствующей политической воле и продуманных системных изменениях — преград для консолидации из наличных социальных акторов субъекта ускоренной модернизации, например, из руководителей высокотехнологичных фирм, научившихся не только выживать, но и развивать свой бизнес, производя добавленную стоимость, представителей сферы НИОКР и инженерного корпуса, государственных научных центров и ведущих университетов. Вполне реально сформировать модернизационную коалицию, способную «втянуть» все уровни российской власти в новое смысловое и политическое поле, побудить ее сдвинуться к системной работе от бесконечных деклараций об инновациях, а главное — помочь грамотно выстроить приоритеты и организационные механизмы в рамках стратегического планирования, объективно оценив, по каким направлениям в ближайшие 5–10 лет Россия сможет быть конкурентоспособной на международном уровне; посредством международной кооперации, сохраняя за отечественными компаниями ключевые компетенции, совершить модернизационный прорыв. Тем более, что для последнего уже формируются организационные предпосылки на уровне российских регионов — «матрицы взаимодействия» местных администраций, кредитных институтов и собственников компаний при реализации инвестиционных проектов [25, с. 38–43].

Эволюция постсоветской государственности подтвердила простой, но, к сожалению, не очевидный для многих факт: можно иметь демократический декорум современного государства и во многом традиционалистскую систему власти, в которой ярко выражена «кормленческая» функция безликой бюрократии — некомпетентной и бесконтрольной. Масштабные лесные пожары лета 2010 г. наглядно показали, что при возникновении форс-мажорных ситуаций (которые неизбежны и в будущем) бюрократическая система откровенно саботирует возложенные на нее функции, а лесная служба оказывается элементарно недееспособной из-за отсутствия необходимого кадрового и ресурсного обеспечения (как следствие тех же бюрократических реформаций в рамках нового Лесного кодекса, принятого без учета специфики отрасли и экспертных заключений специалистов лесного хозяйства). Все это лишний раз подтверждает необходимость неотложной реанимации механизмов и практик демократической легитимации ключевых стратегических решений в областях социально-экономической, оборонной и внешней политик (с целью обретения нового качества политического целеполагания и законотворчества), воссоздания работающих механизмов принуждения к исполнению законов и неотвратимой ответственности должностных лиц на всех уровнях управления за допущенные злоупотребления. Российское государство должно сбросить груз накопленной некомпетентности, блокирующий движение вперед, стать гарантом устойчивого развития в интересах большинства.

Однако историческое развитие альтернативно по своей природе, допуская разные варианты системной трансформации, обусловленные трудно предсказуемыми социально-политическими конфигурациями [26, с. 9–10]. На современном этапе возможно лишь гипотетически обозначить два сценария развития событий.

1. *Консервативная перестройка*, или попытка сохранить статус-кво основных элитных групп, ограничившись изменением институционального дизайна, не затрагивая основ системы. Как известно, этот сценарий получил свое выражение в идеологеме «консервативной модернизации».

2. *Апгрейд, или качественное обновление системы*, в той или иной степени затрагивающее ее базовые основания, трансформирующее отношения собственности и способ организации власти путем осмысленных реформ, формирования национально консолидированного субъекта и новых политических драйверов развития. Разумеется, наиболее предпочтительным вариантом трансформации является управляемая эволюция, исключающая неприемлемый риск и разрушительные последствия политических катаклизмов.

Достаточно очевидно, что имитация реформ путем консервативной перестройки неизбежно ведет к патовым и тупиковым ситуациям, окончательной утрате легитимности власти, не позволяя избежать глубокого системного кризиса и политических потрясений, оказывающих деструктивное воздействие на социум и государство. Кроме того, неэффективная система хозяйствования и государственного управления не поддается консервации в условиях возросшей агрессивности геополитической среды и усилившейся турбулентности геоэкономики. Напротив, апгрейд системы (*социо-политическая реновация*) дает шанс на обретение нового качества в рамках модели устойчивого развития.

1. *Кокрейн Дж.* Полу Кругману, переставшему быть экономистом. Ответ экономиста Чикагской школы на статью «Почему экономическая наука бессильна». URL: http://slon.ru/articles/134404/?sphrase_id=170737

2. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times. 2009. Sept. 2.

3. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / Отв. ред. О. Н. Ананьин. М., 2008.

4. *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М., 2009.

5. *Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Экономика как синергетическая система. М., 2010.

6. *Ананьин О. И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М., 2005.

7. *Акишин А. А., Шевелев А. А.* Кризисная элита и перспективы модернизации в России // Перестроение в России. Т. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева. М.; Волгоград, 2010. С. 130–145.

8. *Акишин А. А., Шевелев А. А.* На пути к либерально-консервативной парадигме развития России // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2008. № 4. С. 61–65.

9. *Рязанов В. Т.* «Модернизация» и ее отражение в теории и хозяйственной практике // Модернизация экономики: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня основания Эконом. ф-та СПбГУ 14–15 октября. Секции 7–13. СПб.: ЭФ СПбГУ, 2010.

10. *Федотова В. Г.* Модернизация другой Европы. М., 1997. Гл. 2.

11. *Ерасов Б. С.* Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002.

12. *Козн С.* Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9–12.

13. *Иноземцев В.* Воспоминания о настоящем // Свободная мысль. 2010. № 9.

14. *Делягин М.* Проект бюджета: консервация стагнации // Однакој 01/11/2010.

15. *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. М., 1998. С. 295–458.

16. *Коваль О., Кобяков А.* Как уцелеть в битве гегемонов? Самодостаточная экономика позволяет избегать ловушек глобализации // Однакој 19/04/2010.

17. *Акишин А. А., Шевелев А. А.* Самодостаточность развития национальной экономики в контексте процессов глобализации // Неумная Россия / Под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград: Изд-во ВГУ, 2003. С. 105–118.

18. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.

19. URL: <http://slon.ru/blogs/zubovaea/post/454502>; <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/093/13.html> (дата обращения: 10.11.2010).

20. *Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России в 16–20 вв. М., 2002. С. 23–70.

21. URL: <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html> (дата обращения: 10.11.2010).

22. *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007.
23. *Делягин М.* Китайский путь для России: «неосталинизм». URL: <http://russ.ru/mirovaya-povestka/kitajskij-put-dlya-rossii-neostalinizm> (дата обращения: 10.11.2010).
24. Стратегические ориентиры экономического развития России: науч. докл. Координатор проекта Р. С. Гринберг. СПб.: Алетейя, 2010. Гл. 5.
25. *Дмитриев Г.* Обречены на развитие // Эксперт С-З. 2010. № 30–33.
26. *Лахман Р.* Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2010 г.